

СІКУССТВО

№ 2042

1

1936

ИТОГИ ИРАНСКОГО КОНГРЕССА

Б. ВЕЙМАРН и Б. ДЕНИКЕ

ИРАНСКОЕ искусство, значение которого в мировом развитии художественной культуры все более и более выясняется наукой, давно уже является объектом исследования искусствоведов самых различных стран. Почти десятилетие прошло с тех пор, как изучение иранского искусства получило международную организационную форму периодически созываемых конгрессов. В 1926 г. в Филадельфии состоялся организованный по инициативе американских ученых, I конгресс по искусству Ирана, на котором присутствовали делегаты 6 стран. На II лондонском конгрессе в 1931 г. участвовали уже представители 12 стран, в том числе делегаты СССР. В сентябре 1935 г. в Ленинграде и в Москве работал III международный конгресс иранского искусства и археологии, на который съехались ученые 25 стран, и который, несомненно, превзошел по своему значению оба предшествующие конгресса.

Открывая первое пленарное заседание, председатель конгресса народный комиссар по просвещению РСФСР А. С. Бубнов указал, что созыв конгресса в СССР „свидетельствует об укреплении научных и культурных связей между нашей страной и другими странами мира. Это является, — говорил т. Бубнов, — также показателем исключительного внимания к вопросам науки, научного исследования и культуры как со стороны советского правительства, так и самых широких кругов советской общественности. Это подтверждает все более и более распространяющееся во всех странах мира убеждение, что наша страна на базе построения фундамента нового социалистического общества и подъема материального и культурного благосостояния широких масс народов чрезвычайно успешно и плодотворно направляет свои усилия в интересах развития советской и мировой науки“.

Работа конгресса со всей убедительностью подтвердила правильность слов т. Бубнова. Важнейший итог конгресса, который нужно отметить в первую очередь, это его огромное политическое значение.

Конгресс явился новым шагом в деле укрепления все время растущих культурных связей СССР с зарубежными странами. Живейшее участие в организации и работах конгресса принимали представители Ирана во главе с государственными деятелями страны. Внимание иранского правительства

к созыву конгресса в СССР нашло, в частности, свое яркое выражение в присылке на выставку в Ленинград более 1000 редчайших памятников искусства, из которых некоторые до самого последнего времени не были известны европейским ученым.

Культурное сближение СССР с иранским народом, получившее мощный стимул развития в прошлом году во время юбилея величайшего иранского поэта Фердоуси, еще более расширилось и окрепло в результате работы III конгресса по иранскому искусству.

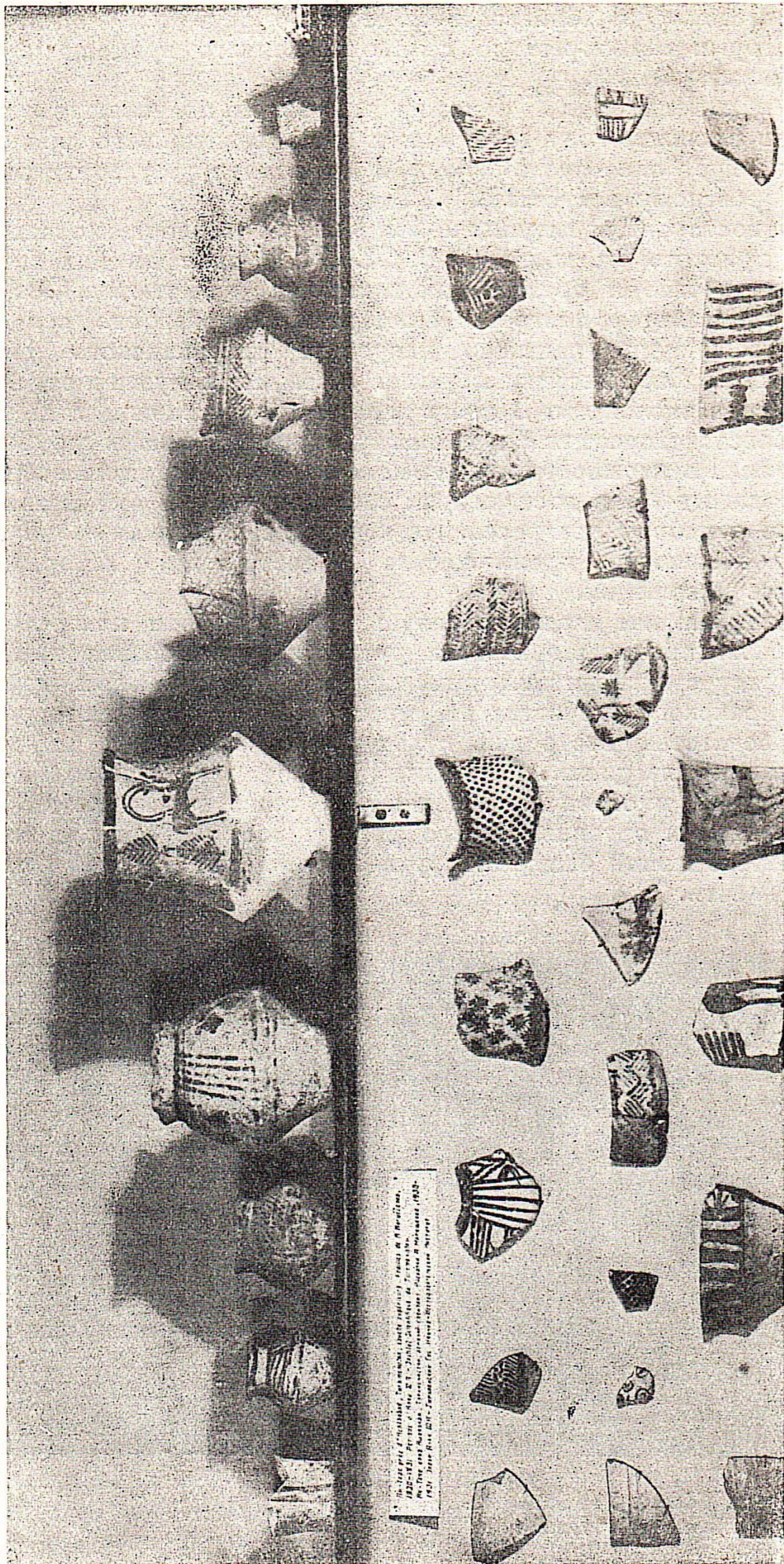
Крупнейшие востоковеды Европы и Америки с готовностью отозвались на приглашение приехать на конгресс в СССР. Многие из них приняли самое деятельное участие в организации конгресса и выставки. Особенно значительной в организации конгресса была роль генерального секретаря Международной ассоциации иранского искусства американского ученого проф. Артура Поопа. Для выставки научные учреждения, музеи и отдельные ученые прислали свои экспонаты. В итоге работы конгресса создались новые элементы связи Советского союза с лучшими культурными силами зарубежных стран. Делегаты имели возможность увидеть колоссальные достижения социалистического строительства, а в достижениях советской науки они могли убедиться в самом ходе работы конгресса. На конгрессе советская наука показала огромные возможности, преимущества и достижения, которые она имеет в результате революции.

Советские специалисты играли крупную роль в работе конгресса: из 56 докладов 25 были прочитаны нашими учеными. Грандиозная выставка, объединившая наряду с экспонатами, присланными из зарубежных стран, все лучшие образцы иранского искусства из музеев СССР, показала огромные художественные богатства восточной культуры, собранные и изученные нашими научными организациями. Роскошный дворец, превращенный в крупнейший научный музей, многочисленный штат научного персонала в Восточном секторе Эрмитажа и организация его работы явились наглядным примером мощной материальной базы, которую создала для научной деятельности советская власть.

Керамика из Тепе-Сиалк (Иран). I тысячелетие до н. э.
(Экспонаты США и правительства Ирана).

Céramique de Tépé-Sialk (Iran). Premier millénaire avant notre ère.
(Exposée par le Gouvernement Iranien et une collection américaine).

Керамика из Ак-Тепе (Туркмения). Тип Анау III^a. (Туркменский гос. научно-исследовательский институт).
 Céramique de Ak-Tépé (Turkménie). Type Anaou III^a. (Institut scientifique de Turkménie).

Все это, а также личное внимание к работам конгресса Председателя Совнаркома СССР т. В. М. Молотова, логикой неоспоримых фактов показало исключительно внимательное отношение советского правительства и широчайших масс общественности к вопросам науки и искусства и ту огромную заботу, которой окружена у нас каждая подлинно научная деятельность. Следует отметить, что наша пресса, как центральная так и местная, отражая интересы широких масс читателей, не ограничивалась информацией о ходе работ конгресса, а подробно освещала многие проблемы иранского искусства. Конгресс выявил еще раз на примере Ирана наше отношение к культуре народов Востока. Вместе с тем работой советских ученых конгресс продемонстрировал одно из крупнейших достижений революции — торжество ленинско-сталинской национальной политики. С трибуны конгресса говорили ученые, вышедшие из среды прежде угнетенных национальностей. Самый факт выступления на конгрессе научных работников закавказских, среднеазиатских и других республик явился показателем культурной революции на Советском Востоке.

Доклады советской делегации и выставка продемонстрировали яркие образцы научно-исследовательской деятельности в области искусства, проведенной за годы революции в национальных республиках СССР.

Научная работа III конгресса носила в целом иной характер, чем работа первых двух конгрессов. Программа работы конгресса была построена на принципе рассмотрения искусства Ирана, как живой и развивающейся сейчас художественной культуры народа современности.

Вместе с тем конгресс впервые основательно и многосторонне поставил проблемы взаимоотношения иранского искусства с искусством близлежащих и удаленных областей восточного и западного мира. В этом отношении большую роль сыграли доклады советских делегатов. На богатом материале наших национальных республик советские ученые показали глубокие культурные связи Ирана на всем протяжении его истории с сопредельными странами. Этой же задаче служила огромная, развернутая в 80 залах Эрмитажа выставка, на которой рядом с искусством Ирана была показана художественная культура Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Турции, Западного Туркестана, далекой Монголии, Китая и многих других стран.

В свете исследований наших научных учреждений памятники иранского искусства становятся подлинными документами истории человечества, связываются со всем комплексом общественных наук, дают новые данные для разработки науки о развитии человеческого общества. Разрешать вопросы иранского искусства на базе марксистско-ленинской методологии стремились советские докладчики, и хотя нельзя сказать, что мы имеем уже законченную марксистскую историю искусства Ирана и сопредельных стран, но даже постановка этой задачи и отдельные удачные примеры ее решения, несомненно, показали огромные преимущества и значение нашей методологии в применении к истории и современным вопросам художественной культуры.

В советских докладах прозвучал единственно правильный научный метод, позволяющий поднять на большую высоту изучение искусства. Широкую картину ведущейся у нас научно-исследовательской и раскопчной работы обрисовали делегаты Ленинграда, Москвы и восточных республик Союза. Доклады советских ученых не ограничивались вопросами искусства и археологии: были заслушаны сообщения по истории (доклад акад. В. В. Струве „Откупа в ахеменидском государстве“), по литературе (доклад проф. Е. Э. Бертельса „Придворная касида“) и по театру (Р. Галунов „Народный театр Ирана“). Эти доклады явились одним из показателей отказа советских иранистов от узко вещеведческого подхода к проблемам изоискусства и интереса к общеисторическим вопросам и к проблемам смежных научных дисциплин.

Научная работа конгресса охватила историю иранского искусства почти во все периоды ее многовекового развития с глубокой древности до наших дней.

Советские доклады, посвященные общим, но вполне конкретным вопросам, вносили много нового в понимание путей развития искусства Ирана и сопредельных стран. Такими были доклад академика И. А. Орбели „Проблема сельджукского искусства“ и доклад проф. К. В. Тревер об искусстве Бактрии. Проф. Тревер на основании технологического и стилистического анализа устанавливает принадлежность бактрийскому искусству ряда памятников, прежде относимых к сасанидской торевтике. В докладе проф. Тревер выясняется значение Бактрии в распространении элементов эллинистической художественной культуры в Центральной Азии и Индии.

Художественная культура Бактрии до сих пор оставалась совершенно невыясненной, и поэтому доклад проф. Тревер, впервые наметивший круг бактрийских памятников, имеет особое значение.

Отдельные важные общие проблемы затронули в прениях молодые ученые СССР: тт. Толстов, Дьяконов и Зарэ (московский иранист), которые пытались дать марксистское освещение обсуждаемым вопросам. Очень существенную проблему поставил т. Толстов, выступая по докладу английского ученого Роберта Байрона: он указал на необходимость изучения взаимоотношений иранских художественных тенденций и искусства кочевых (преимущественно турецких) народов Среднеазиатских степей.

Переходя к рассмотрению итогов конгресса в изучении искусства отдельных исторических эпох, надо отметить, что древнейший, доахеменидский период иранской культуры привлекает большое внимание исследователей.

Одним из докладов этого цикла был доклад известного венского искусствоведа проф. Стржиговского „Иранское искусство в ледниковый период“. Но этот доклад не вызвал сочувственного отклика на конгрессе. В нем выявились все порочные и антинаучные стороны установок тех западноевропейских ученых, которые восприняли положения „расистских теорий“, стараясь пригнать за уши конкретный исторический материал для их „обоснования“.

Другие доклады пролили свет на ряд вопросов генезиса искусства в Иране и связей древнеиранской художественной культуры с культурой других стран. Этому периоду были посвящены сообщения Могадама (делегат Ирана) на тему „Начало иранского искусства“, Ариф Муфида (Турция), сообщившего о росписной керамике Ирана в доисторическую эпоху, шведского профессора Арне и советских ученых Иессена и Алекперова. Доклад А. А. Иессена „Доисторическая металлургия Кавказа и ее роль в передней Азии“ показал связь архаических бронз из Луристана (юго-зап. часть Ирана) с кавказскими бронзами III—II тысячелетия до н. э. Докладчик подчеркнул, что суть этого явления не во влияниях и заимствовании, а в одном и том же уровне культурного развития. Проф. Арне характеризовал результаты работ шведской экспедиции в степи Ирана. Керамические находки, найденные в курганах и относимые к эпохе с III тысячелетия до н. э., указывают на связь этих изделий с одновременной миносской цивилизацией Крита¹.

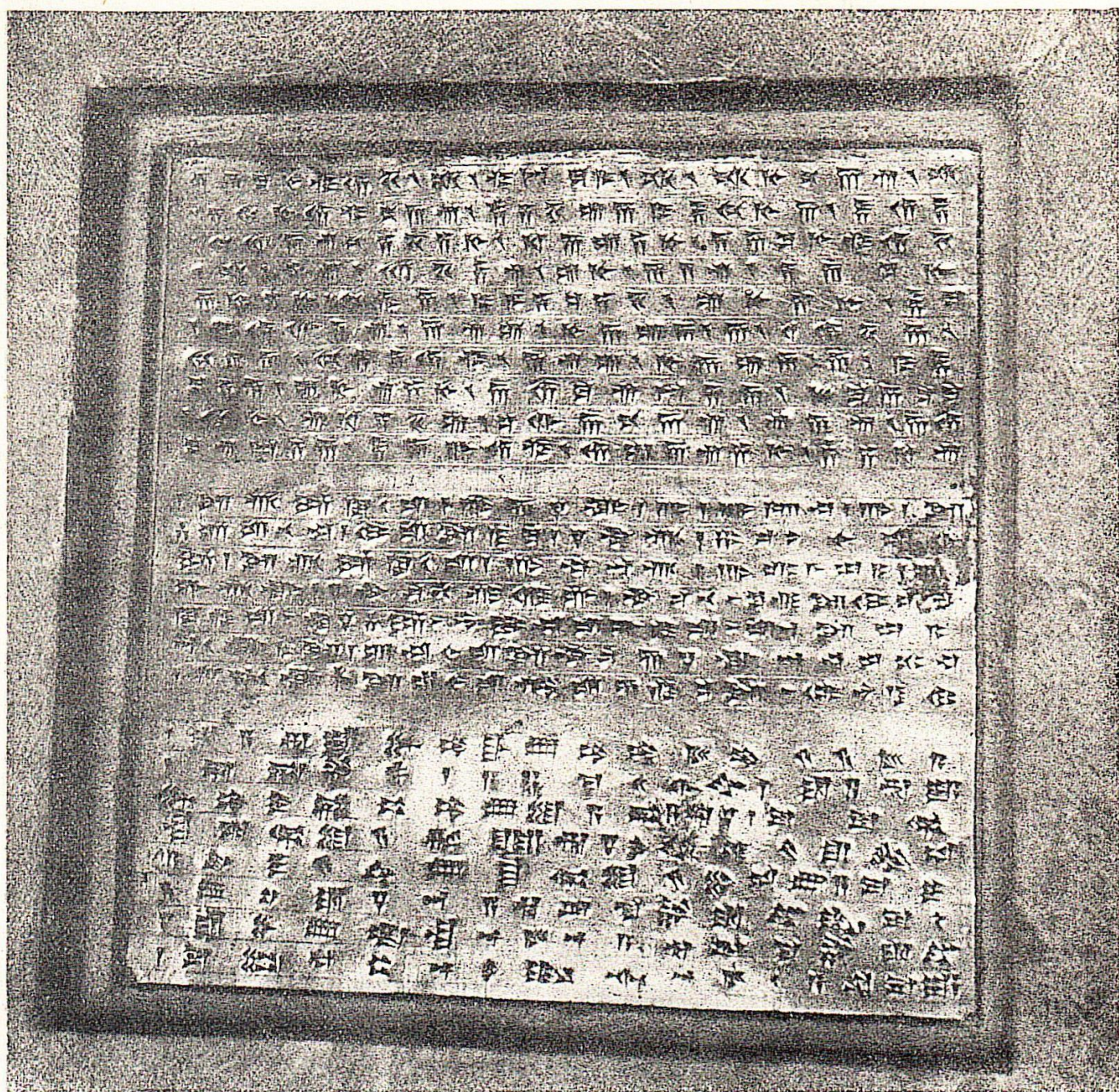
Искусству древнего Ирана эпохи династии Ахеменидов был посвящен только один доклад проф. Пржеворского „Ахеменидское искусство в Анатолии“, но на вопросах культуры парфянского и сасанидского периодов было сосредоточено большое внимание. Своеобразные памятники парфянского и сасанидского искусства, отразившие всю сложность мировой истории этого периода, подвергались за последнее время исследованию ученых различных стран. Советская наука смогла продемонстрировать исключительные по научному значению находки, сделанные за последние годы на территории

¹ Ср. Т. J. Arne „La steppe turkomane et ses antiquités“ („Geografiska Annaler“, 1935).

Керамика и бронза из Луристана. II тысячелетие до н. э. (Правительство Ирана и Лувр).
 Céramique et bronze de Louristan. Second millénaire avant notre ère.
 (Gouvernement Iranien et Musée du Louvre).

СССР: А. А. Марущенко ознакомил конгресс с результатами раскопок Туркменского научно-исследовательского института в древней парфянской столице Неса, близ Ашхабада. Откопанные руины зданий с четырехствольными колоннами, фрагменты архитектурной декорации и глиняных статуй свидетельствуют о сильном эллинистическом влиянии в искусстве древней Парфии. О новых, очень важных по своему значению, находках греко-буд-

Каменный ящик с лежащей в нем золотой закладной доской, несущей клинообразную надпись царя Дария о постройке Персепольского дворца. (Правительство Ирана).

Plaque en or portant l'inscription fondamentale du palais de Persépolis par le roi Darius. (Gouvernement Iranien).

дийских памятников сообщил в докладе „Археологические раскопки и находки на территории Узбекистана за последние годы“ М. Е. Массон. Раскопки в Айратаме, в 18 км от древнего Термеза, обнаружили каменные плиты, на которых высоким рельефом, местами переходящим в круглую скульптуру, высечены изображения музыкантов среди листьев аканфа². Вместе с предшествующими находками фрагментов буддийской архитектуры и скульптуры в древнем Термезе³ и в других местах эти памятники дают представление о характере и значении впитавшего много античных художественных традиций буддийского искусства, распространенного в Средней Азии в доисламскую эпоху.

² См. статью М. Е. Массона „Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. („Материалы Узкомстариса“, вып. I. Ташкент, 1933) и „Скульптура Айратама“ („Искусство“ № 2, за 1935 г.).

³ См. „Культура Востока“, вып. II — сборник Гос. музея восточных культур.

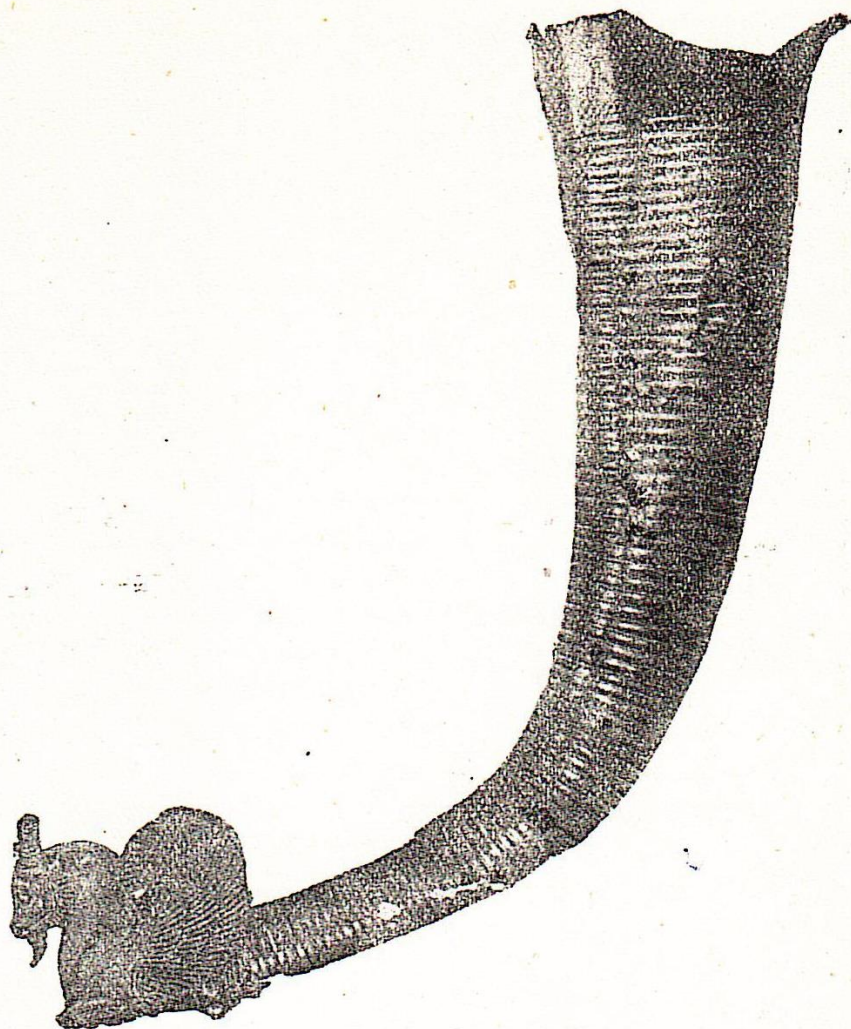
Проблемам сасанидского искусства был посвящен специальный симпозион, работавший помимо пленума конгресса. Но и на пленумах целый ряд докладов затрагивал эти существенные вопросы, преимущественно в плане изучения роли иранского искусства сасанидской поры в художественной культуре других стран.

Доклад А. С. Стрелкова „Иранские элементы в мелкой пластике Афрасиаба“ дал новое освещение этому малоизученному виду среднеазиатского искусства. Исследуя памятники, докладчик выделил группу статуэток, несущих характерные признаки парфянского искусства, и группу, связанную с сасанидской культурой. Вторая группа имеет богатый подбор головных сасанидских уборов, известных по изделиям из металла и по монетам, и дает представление о различных иранских божествах, изображения которых иногда не сохранились даже на памятниках Ирана.

Сасанидские влияния в брахманском искусстве рассматривал в специальном сообщении Акэн (Франция). Докладчик познакомил конгресс с результатами раскопок французской археологической экспедиции 1934 г. в Афганистане (в Хайр Хане на большой дороге между Балхом и Кабулом). Добытые материалы (в частности, уникальная скульптура из мрамора) позволили впервые выявить иранские черты в брахманском искусстве. Проф. Унвала (Индия) сделал доклад о сасанидских монетах Табаристана.

Роли сасанидского искусства в культуре западных по отношению к Ирану стран было посвящено сообщение Уго Моннере де Виллара об экспансии на Запад сасанидских архитектурных форм. О некоторых иранских элементах в византийском искусстве (главным образом в керамике и тканях) говорил проф. Тальбот Райс. В отношении сасанидского периода иранского искусства конгресс, как видно из изложенного, сделал особенно много, значительно уяснив для науки характер искусства в самом сасанидском государстве и особенно широко обрисовав роль этого искусства в целом ряде других культур⁴.

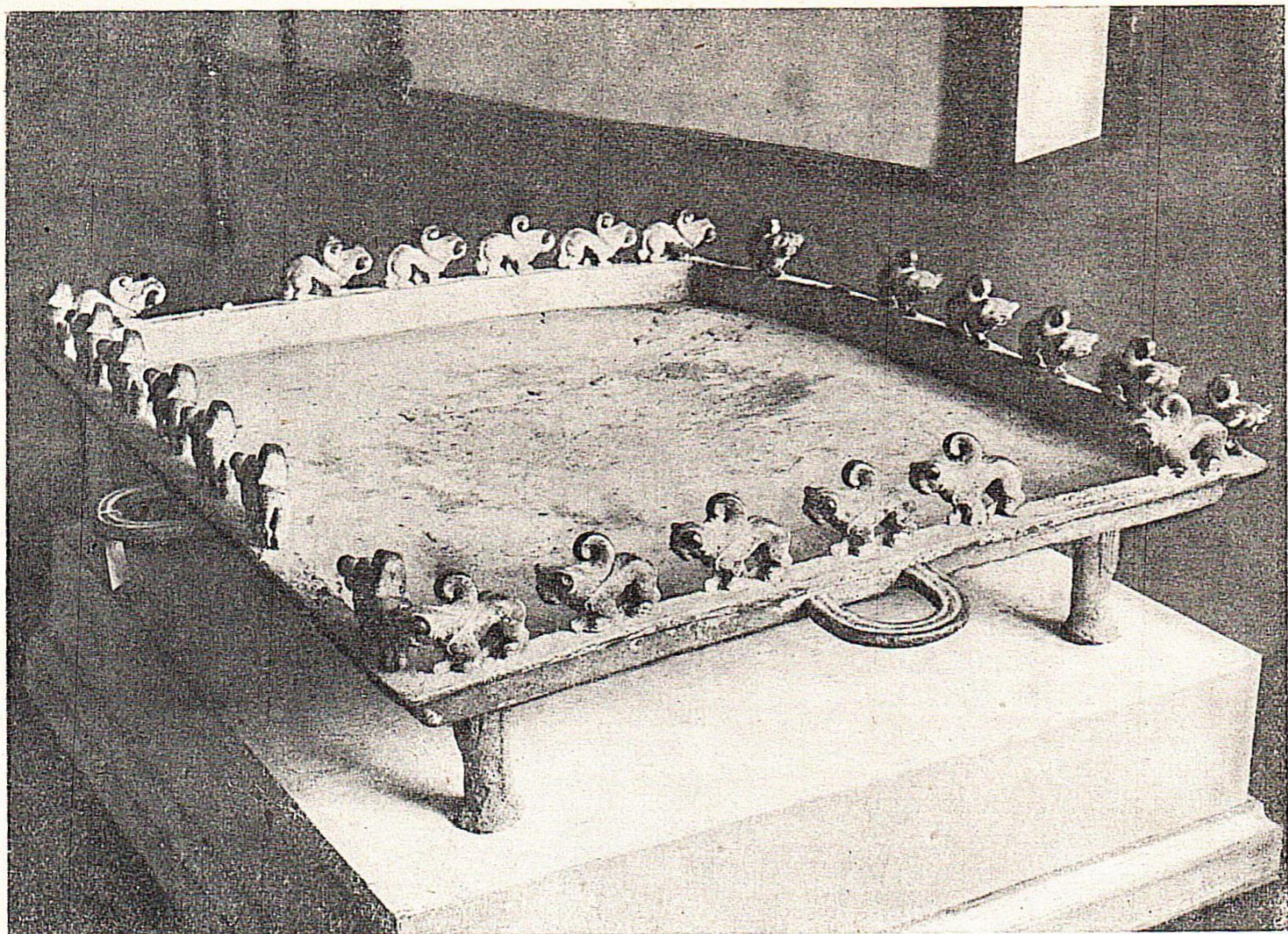
Особый характер имел доклад президента Международной ассоциации иранского искусства и археологии проф. Фридриха Зарре „Традиция в иран-

Серебряный ритон из четвертого Семибратнинского кургана. (СССР. Гос. Эрмитаж).

Riton en argent provenant du 4-me Kourgane de Semibratny. (URSS. Musée de l'Ermitage).

⁴ Следует отметить, что в период работы конгресса вышла специальная богато иллюстрированная монография акад. Орбели и проф. Тревер „Сасанидский металл“ („Academia“, 1935).

Бронзовый алтарь, найденный в Семиречьи близ Алма-Аты. (СССР. Гос. Эрмитаж).

Autel en bronze, trouvé dans le pays des Sept Fleuves près d'Alma Ata.
(URSS. Musée de l'Ermitage).

ском искусстве". На основе огромной эрудиции в области знания художественных памятников этот крупнейший знаток иранского искусства показал на многообразных примерах стойкость иранской художественной традиции.

В области художественной культуры феодального Ирана и сопредельных стран — Афганистана и Средней Азии мусульманского периода — на конгрессе был затронут очень широкий круг вопросов. Особенно много нового было сообщено в докладах по истории архитектуры и керамики.

О древнейших мечетях Ирана говорил в своем докладе директор управления древностей Ирана А. Годар. Годар делит древние иранские мечети на две группы. К первой он относит здания с планом ранне-арабского типа, но со способом стройки, унаследованным от сасанидского Ирана. Сюда относятся Тари Хане в Дамгане⁵, мечеть Рея и Демавенда. Ко второй группе относятся мечети со сводчатой открытой залой. Таковы мечети в Ниризе (951 г.), Гульпаяно, Казвине, Ардистане. В основе этих зданий, по его мнению, лежит собственно иранский тип постройки, и открытый зал является подражанием сасанидскому айвану, где жертвенник огня заменен михрабом.

Древней архитектурной декорации исламских памятников было посвящено два сообщения: Жоржа Салль (Франция) и проф. Б. П. Денике (СССР). Салль обстоятельно и интересно охарактеризовал декорацию по штуку памятника в Балисе (Месопотамия), датированного 1071 г. н. э. Проф. Денике анализировал в своем докладе резную, штукую декорацию XII в.

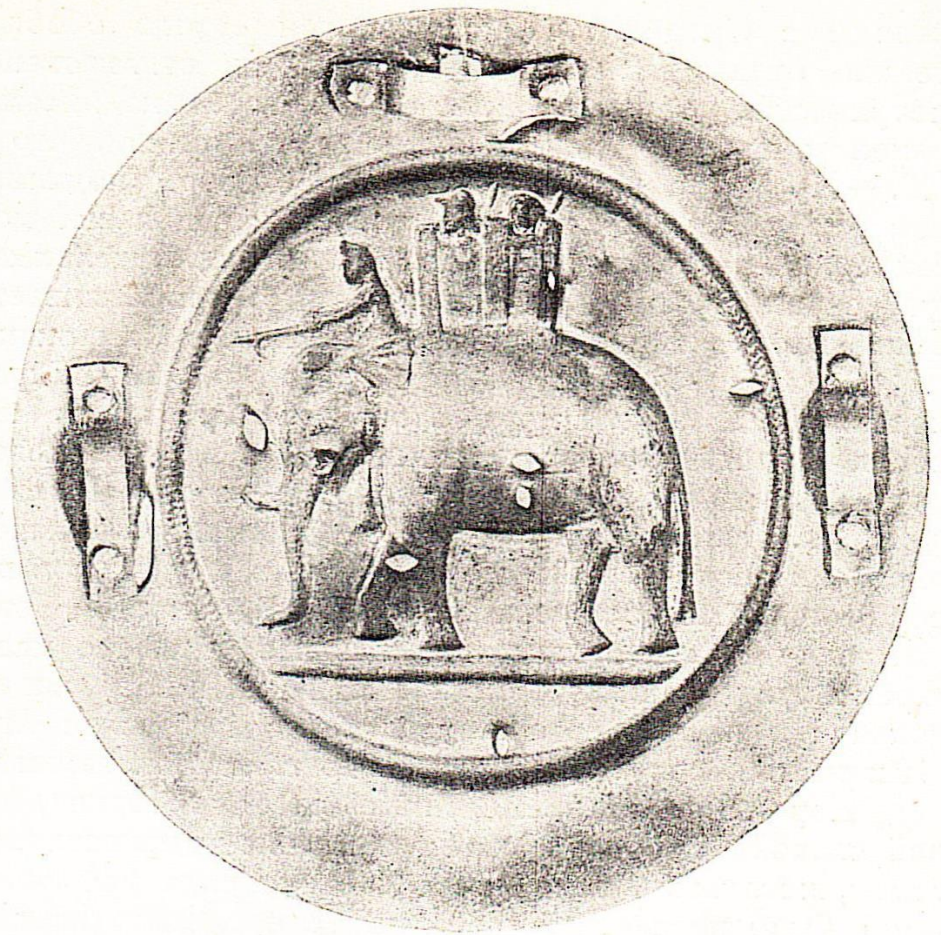
⁵ Об этом архитектурном памятнике, относимом А. Годаром к концу VIII в. н. э., см. его статью „La Tari Khana de Damghan“ в „Gazette des Beaux-Arts“ за 1934 г.

в здании, открытом экспедициями Гос. музея восточных культур и Узбекского Комитета по охране памятников старины и искусства в древнем Термезе⁶. Докладчик выявил наличие сасанидских традиций в отдельных мотивах декорации, дал стилистическую характеристику орнаментики и сделал попытку социального обоснования художественных особенностей памятника.

Характер монографических исследований отдельных образцов старинного зодчества носили доклады Эрика Шредера (США) о памятнике сельджукского периода Джебель-и-Санг и доклад Г. И. Котова (СССР) о михрабе в Мешед-и-Мисриан.

В исследовании искусства XIV—XV вв. внимание ученых, естественно, сконцентрировалось на памятниках Средней Азии. В ярком и интересном докладе об иранских ремесленниках в Средней Азии в эпоху Тимура и тимуридов заведующий Восточным сектором Гос. Эрмитажа проф. А. Ю. Якубовский привел много фактов, важных для истории среднеазиатского искусства этого периода.

На основании свидетельств персидских и арабских источников, дневника испанского посла ко двору Тимура Рюи Гонзалеса де Клавихо и сохранившихся на памятниках архитектуры и прикладного искусства надписей А. Якубовский установил имена и происхождение целой плеяды мастеров средневекового Востока. Волей деспота-завоевателя Тимура из многих стран, в том числе и из Ирана, привозились многочисленные ремесленники в Самарканд для украшения столицы повелителя огромной империи. История забыла имена этих подлинных творцов гигантских сооружений, руины которых даже сейчас оставляют огромное впечатление монументальностью и высокохудожественной обработкой. Под скальпелем науки из праха истории вновь заговорили забытые мастера, ожили памятники далекого прошлого. А. Ю. Якубовский исследует условия творчества мастеров в Средней Азии. В Иране, где ислам всегда имел ряд еретических течений, художественное творчество развивалось свободнее, чем в Средней Азии, где господствовал один из ортодоксальных мусульманских толков — ханифитский. Если в иранском искусстве допускалось изображение людей и животных, то религиозные

Серебряный фалар с изображением боевого слона. Найден в Сибири (?). (СССР. Гос. Эрмитаж).

Ornement de harnais en argent, trouvé en Sibérie (?). (URSS. Musée de l'Ermitage).

⁶ Об этих экспедициях см. „Культура Востока“ — сборник Музея восточных культур, вып. 1, II.

каноны в Средней Азии требовали строго обобщенного стиля, исключительно орнаментальных композиций из стилизованных растительных и геометрических орнаментов, соединенных с надписями. Исследование памятников позволило докладчику сделать вывод, что иранские ремесленники XIV—XV вв. в Средней Азии в основном подчинились требованиям местной феодальной культуры. Однако, как показал докладчик, мастера Ирана сохранили в своем творчестве целый ряд отдельных художественных традиций своей страны. Это особенно ярко прослеживается в орнаментике и приемах декорации мавзолеев Шах-и-Зинда в Самарканде.

Приходится сожалеть, что другой доклад (Байрон — Англия), в основном посвященный архитектуре этого периода, но на территории Афганистана, носил характер обзора памятников без их глубокого научного исследования.

Доклад архитектора Н. М. Бачинского, доклад М. Е. Массона и сообщение т. Сайджанова дали представление о размахе работы по реставрации, охране и исследованию архитектурных памятников в Средней Азии за годы революции. Из сообщения М. И. Сайджанова „Новые факты о памятниках Самарканда“ стали известными новые данные о мавзолее Гур Эмир, мечети Арике Кукульташ, мавзолеев Шах-и-Зинда и других постройках. Эти сведения докладчик извлек из малоизвестного источника Мухаммед Бад и Малихо-Самарканди, составленного в 1693 г. на основании вакуфных документов.

Керамические ремесленные изделия Ирана, пользующиеся заслуженной славой благодаря своим высоким художественным и техническим качествам, послужили темой исследования ряда ученых. Вопросам изучения керамики было посвящено специальное пленарное заседание конгресса, на котором особенно проявилось научное сотрудничество западноевропейских и американских ученых с советскими и иранскими исследователями. Один из инициаторов иранских конгрессов американский ученый, генеральный секретарь Международной ассоциации по иранскому искусству проф. Артур Пооп выступил с докладом о классификации иранской керамики в исламский период. Докладчик указал на наличие в Иране, примерно, пятидесяти пунктов производства керамики. Проф. Пооп наметил основные особенности посуды главнейших керамических центров и подчеркнул значение керамического производства г. Кашана. Специально определению кашанской керамики был посвящен доклад д-ра Р. Эттингаузена. Эти доклады несомненно дают очень важный материал для дальнейшей работы над керамикой Ирана. В частности, они позволяют систематизировать имеющиеся в музеях коллекции, так как до сих пор в большинстве случаев ограничивались приписыванием иранской керамики г. Рею или Султанабаду.

Вопрос существования в средневековом Иране фарфора был поставлен в докладе голландского ученого Анри Галлуа. Классификацию фаянсовых изразцов с металлическим люстром из Дамгана по их надписям предложил иранский ученый Мехди Бахрами. Исследование о фаянсовых изразцах из мавзолея Пир Хусейна в Ханека (Азербайджан) прочла В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея, открытые в 1858 г., исчезли с места своего нахождения в 1913 г. и затем попали в различные музеи. Путем эпиграфического и стилистического анализа докладчица сумела выделить ту группу изразцов, которые происходят из мавзолея Пир Хусейна, и создала реконструкцию декорации. Эти изразцы с металлическим люстром являются высококачественными образцами декоративной керамики, что придает особенное значение работе, произведенной т. Крачковской. По мнению докладчицы, мастер, создавший эту декорацию, — последователь керамистов Верамина и Дамгана, перенесший традиции кашанской школы на Кавказ.

Кроме керамики, другие виды художественного ремесла Ирана мало были затронуты в работе конгресса. В этой области следует отметить два

Серебряная с позолотой чаша с изображением четырех женских голов.
Найдена в Сибири (?). (СССР. Гос. Эрмитаж).

Coupe en argent avec dorure, trouvée en Sibérie (?). (URSS. Musée de l'Ermitage).

интересных доклада: американской ученой д-р Аккерман о сельджукских и сефевидских тканях и молодого советского научного работника М. М. Дьяконова о бронзовом водолее в форме зебу, датированном 1206 годом.

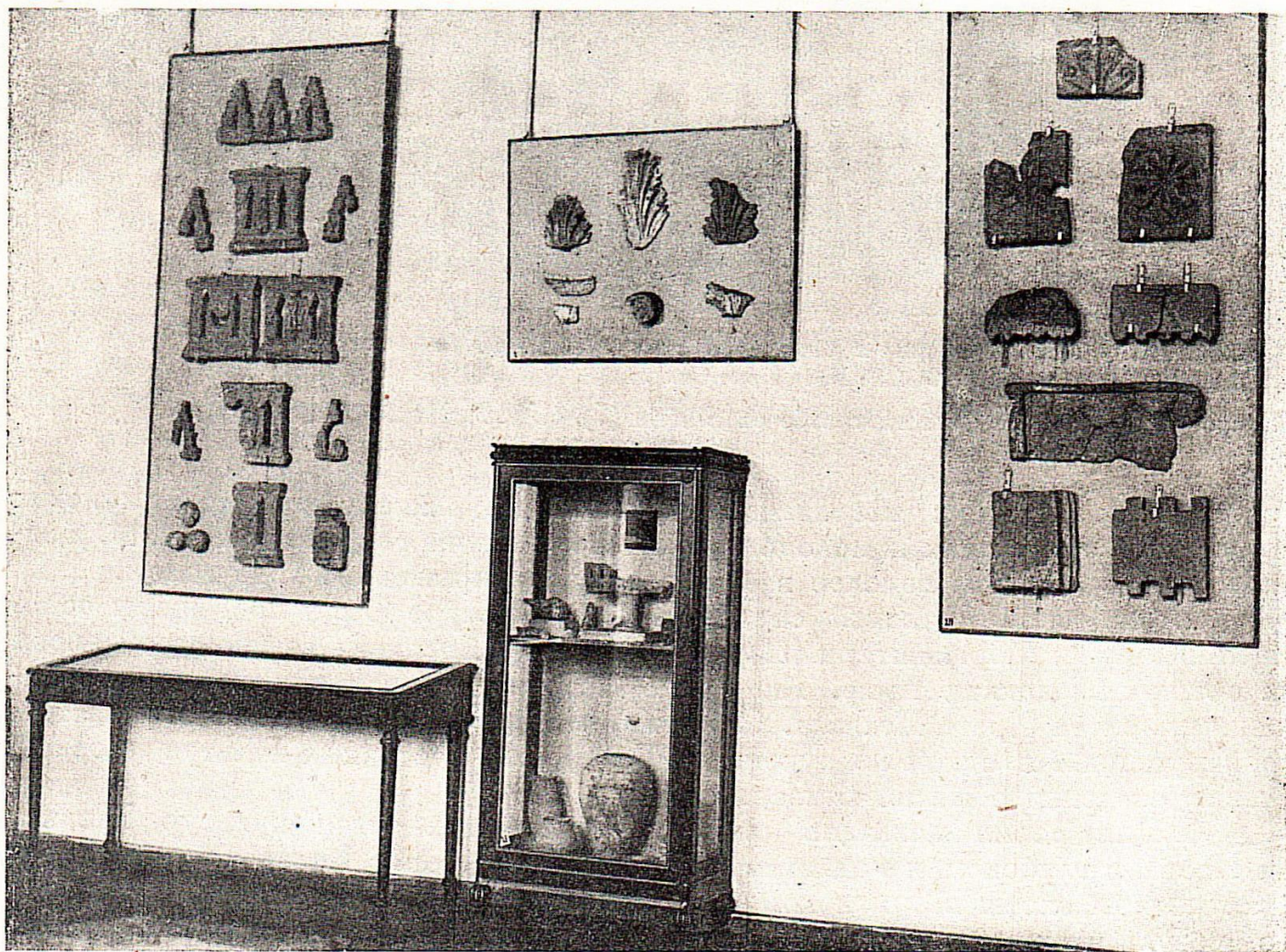
Живописной иранской средневековой культуре были посвящены сообщения Лауры Моргенштерн (Париж) о стенных росписях сефевидской эпохи и обширный доклад проф. Кюнеля о творчестве величайшего художника-миниатюриста Ирана Бехзада. Отметим, что проф. Кюнелю не были известны обнаруженные в одной из рукописей Гос. музея восточных культур (Москва) новые сведения о жизни Бехзада.

Целая серия докладов охватывала вопросы связи культур Кавказа и Ирана в глубоком и недавнем прошлом. Тов. Лорис Калантар рассматривал мотивы охоты в армянском и иранском искусстве. В докладе он сообщил о результатах изучения подземной усыпальницы с двумя саркофагами, относящимися к IV в. н. э. — к эпохе армянских аршакидов. Большой доклад арх. Н. Б. Бакланова был посвящен памятникам сельджукской архитектуры на Кавказе, изученным докладчиком за последние годы в ряде экспедиций. Об иранских элементах в поздних памятниках грузинской архитектуры сооб-

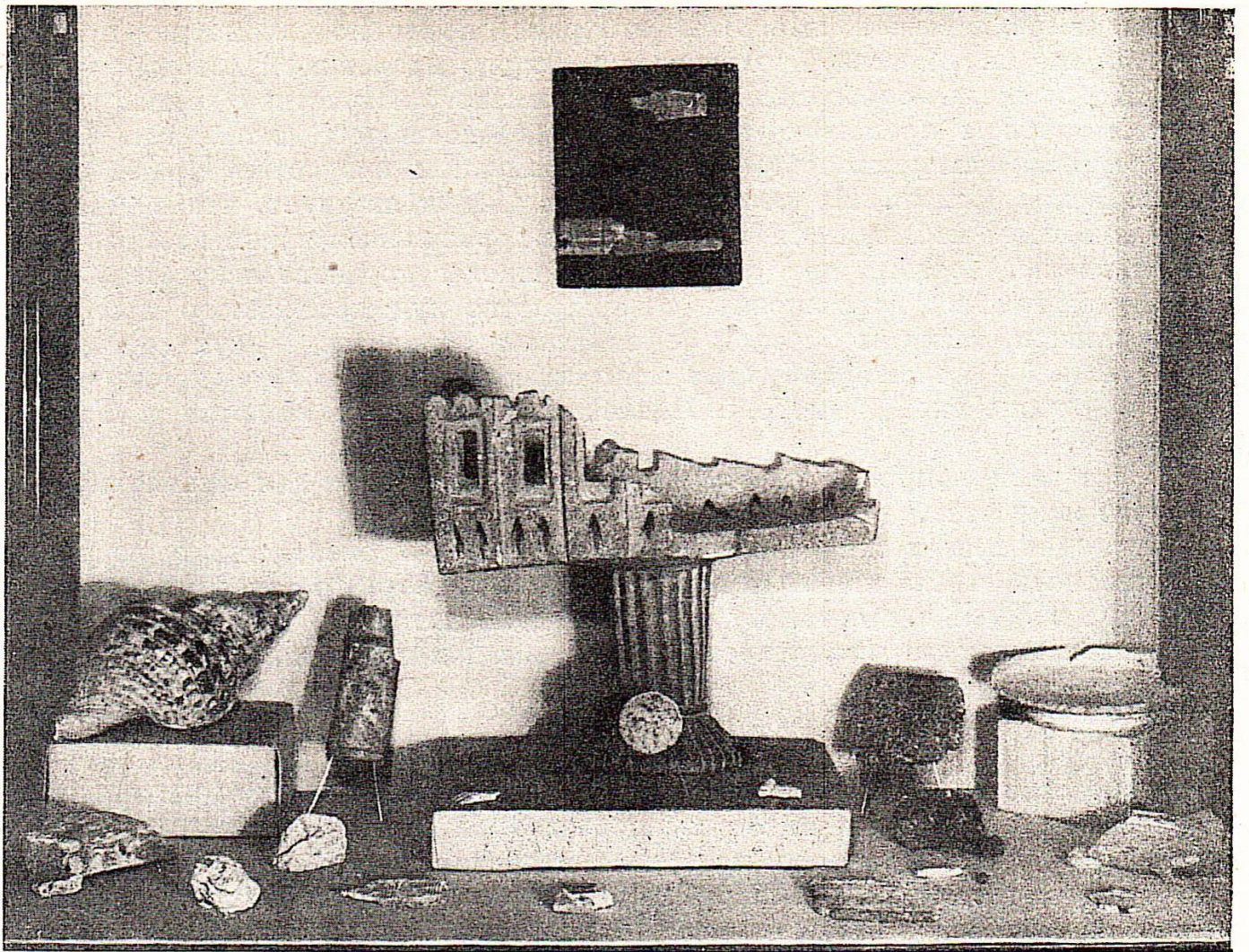
шил проф. Чубинашвили. О живописи Закавказья и ее отношении к иранскому искусству были сделаны доклады профессором Амиранашвили (Тифлис) — „Иранская и грузинская живопись в XVI и XVII вв.“ и директором Музея искусств Армении т. Дрампяном — „Армянский художник Овнатаньян и иранская живопись XVIII—XIX вв.“. Проф. Амиранашвили сообщил ряд новых данных о грузинских художниках Джабадари и Сиявуше, работавших в Иране, и дал яркую характеристику их творчества.

В заключение обзора работ конгресса в области исторического прошлого искусства Ирана и сопредельных стран надо указать на ряд докладов, имевших специальные темы. Доклад т. Борисова „Астрономический трактат сасанидской эпохи“ дал характеристику значения пехлевийской литературы для изучения искусства. В частности, докладчик высказал очень интересную для искусствоведов мысль, что изображения на сасанидских блюдах являются копиями пехлевийской книжной миниатюры. Проф. Ромаскевич прочел доклад об изображении льва в иранском искусстве. Смежным с искусствоведением областям, кроме вышеупомянутых докладов проф. Струве (по истории) и проф. Бертельса (по литературе), был посвящен доклад Р. А. Галунова (Москва), зачитавшего свое исследование о народном театре Ирана. Пользуясь литературными источниками различных эпох, докладчик проследил развитие театральных форм в Иране с XI в. до наших дней. Доведя свое исследование до современности, Р. Галунов подробно охарактеризовал существующие виды народной театральной культуры Ирана (коме-

Зал искусства эпохи Парфии. Стена, занятая вещами из раскопок в Несе. (Туркменский гос. научно-исследовательский институт).

Objets provenant des fouilles à Nessa. (Institut scientifique de Turkménie).

Предметы из раскопок в „Новой Крепости“ Несы.
Туркменский гос. научно-исследовательский институт).

Objets provenant de la „Nouvelle forteresse“ à Nessa. (Institut scientifique de Turkménie).

дия-фарс, кукольный театр, театр передвижных картин). Констатируя исчезновение в настоящее время некоторых типов народного иранского театра, т. Галунов указал на возможность использования накопленного веками опыта коллективами актеров создающегося нового театра Ирана и применения кукольного театра в культурно-просветительных целях.

Специальный интерес имело заседание конгресса по вопросу о фальсификации предметов иранского искусства. Для исследователей иранского искусства, и особенно для музейных деятелей, эта работа конгресса имеет большое значение, так как за последнее время в музеях Европы и Америки были обнаружены десятки поддельных памятников, на первый взгляд трудно отличимых от подлинных старинных вещей. Проф. Пооп в докладе „Основные вопросы, связанные с фальсификацией памятников иранского искусства“ указал на наличие в Иране не менее чем сорока „специалистов“ по подделкам, которые и в настоящее время выпускают свои изделия на рынок. Доклад проф. Поопа был дополнен сообщениями д-ра Плендерлейта (Англия) об определении подделок в иранских изделиях из металла и докладом д-ра Аккерман (США) о подделке тканей.

На III конгрессе впервые международная организация иранистов-искусствоведов обратилась к вопросам современной художественной культуры Ирана. Вполне закономерно эти проблемы занимали главное место среди докладов иранской делегации. Мехди Дибба прочел доклад о несколь-

ких видах религиозной живописи в Иране, подробно рассмотрев представленную им на выставку большую коллекцию иранских культовых лубков. Д-р Сиасси сделал сообщение о борьбе иранского искусства с догмой ислама. Приемам работы иранского художника был посвящен доклад г-на Тахири Бехзада; обобщающее сообщение о современном искусстве Ирана сделал д-р Исса хан Садык. Из сообщения д-ра Садык явствует, что в Иране за последние годы наблюдается подъем самых различных видов изобразительной культуры. Созданы две специальные школы древнего искусства, имеющие своей задачей восстановить совершенство художественного мастерства по старинным, главным образом сефевидским образцам. В двух других школах (мужской и женской) обучают молодых художников современному искусству в европейской манере. Отделения этих школ имеются в Тавризе и Ширазе.

Поставлен вопрос и уже приняты некоторые меры для оживления прикладного искусства.

Эти доклады и специальный зал выставки с произведениями современной живописи Ирана показали всю ошибочность теорий о „смерти“ иранского искусства в XVIII в. Конгрессу было наглядно показано, что иранская художественная культура продолжает развиваться и в наши дни.

• • •

Для советского востоковедения III международный конгресс иранского искусства и археологии имеет исключительное значение. Конгресс выявил огромное количество нового материала и обсудил целый ряд проблем иранского искусства. Подведенные работой конгресса итоги научной деятельности ученых востоковедов-искусствоведов всего мира позволяют поставить ряд новых задач для дальнейшего развития науки в области искусства Ирана и сопредельных стран. Советское искусствознание должно сосредоточить свое внимание на внедрении марксистско-ленинского метода в изучение искусства Востока, на освоении уже накопленного материала. Наряду с этим нужно еще больше развернуть собирание нового материала по искусству Востока путем археологических и других видов исследования. В наших восточных республиках есть еще много памятников, которые обнаружит археологический заступ и пытливый глаз исследователя. Их изучение внесет много нового в познание исторической и эстетической ценности искусства прошлого. Советские ученые должны во всей полноте поставить вопрос о критическом освоении всей сокровищницы старого искусства Востока как художественного наследия и в особенности подойти к этому искусству с точки зрения изучения и использования его для строительства новой социалистической культуры наших национальных республик.

Особого внимания требуют от советской науки вопросы современной художественной жизни Ирана, пока еще почти не затронутые работой наших ученых.

Можно быть уверенным, что через два года на IV международный конгресс иранского искусства, собираемый в Париже, советское искусствознание придет с новыми еще большими достижениями.